

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье 17-го мая 1915 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12709.

СОЛДАТСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Часовой.

Однажды вечерней порою
На стражѣ я бодро стоялъ
За толстой могучей сосновою.
А врагъ нашъ проклятый стрѣлялъ
Ихъ пули со свистомъ летѣли,
То мимо, то въ соснову мою,
Но, къ счастью, меня не задѣли,
Тутъ снова я бодро стою.
Вдругъ рявкнули грозныя пушки,
Моя задрожала сосна,
Съ ней съ трескомъ свалилась
макушка,
На землю упала она.
Какъ шмели, шрапнель прожужжала,
О дикіе камни звениа,
Плачевно гора простонала,
Какъ будто жалѣя меня. І
Въ испугѣ къ сосновѣ я прижался,
Винтовку изъ рукъ уронилъ
И съ жизнью своею прощался,
Но Богъ мнѣ ее сохранилъ.
Когда же винтовку я поднялъ,
Легка мнѣ казалась она,
Я сразу, конечно, не понялъ,
Какъ словно вспрянулъ отъ сна,—
На ней раздробленное ложе
Штыкъ согнуть, но все-таки цѣль.
Экой, австрійская рожа,
Удачно поставилъ прицѣль.
Ну помни-жъ, проклятое племя,
Не хвастай удачей своей,
Мы завтра же выберемъ времѧ,
Тогда удирая поскорѣй,
Не то, братъ, и жизнью заплатишь,
Какъ наши откроютъ стрѣльбу,
Вернуть же ее не веротиши,
Тогда не пеняй на судьбу.

Ст. унт.-оф. 8 р.

Трофимъ Корніенко.

МЕЧТА.

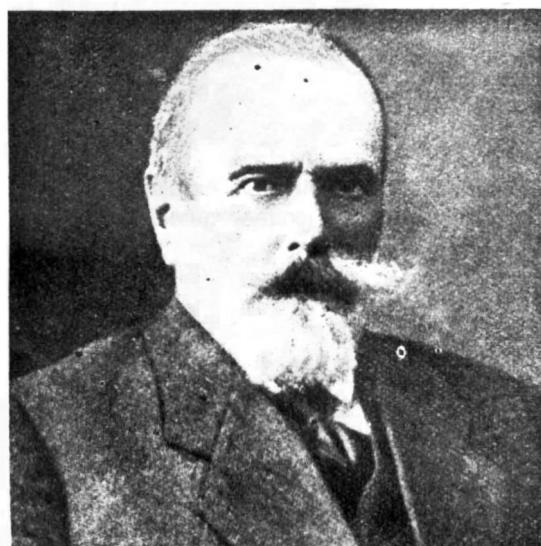
Я медленно шелъ по via della Riento, этой шумливой уличкѣ Флоренціи, послѣ которой сразу попадаешь на piazza S. Lorenzo,—знаменитую своею старой, облѣзшей снаружи церковью, но внутри, въ Sagrestia Nuova, находишь величаваго Микель Анджело.

Я уже былъ въ церкви, я смотрѣлъ все и теперь переживалъ лучшее времѧ своего пребыванія въ Флоренціи; времѧ, когда просто бродишь подъ солнцемъ; здѣсь полюбушься фасадомъ старинного дома, тамъ зайдешь въ храмъ послушать его мудрую тишину; долго стоишь у витрины антиквара; или любуешься водами Арно, надъ которыми застыли бѣлыя облачка. Наконецъ, сливаешься съ толпой и, всѣмъ чужой, для всѣхъ далекій, наблюдаешь этихъ людей, весело разматриваешь ихъ загорѣлыхъ лица, слушаешь исключительно музыкальный итальянскій языкъ Флоренціи.

Всѣмъ чужой, для всѣхъ далекій... Сколько поэзіи въ этомъ состояніи! Какое прекрасное одиночество! Какое великое освобожденіе!

† Глава русскихъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи, старообрядческій архіепископъ московскій и всяя Россіи Ioannъ.

E. B. де-Роберти.

25-го апр. въ своемъ имѣніи (въ Тверской губ.) въ 11 час. вечера за ужиномъ убить выстрѣломъ изъ ружья透过 окно известный общественный деятель, профессоръ-социологъ Евгений Валентиновичъ де-Роберти. Убийца не разысканъ.

† V. Я. Богучарский-Яковлевъ, историкъ общественного движения.

Мысль не знаетъ ничего вчерашняго, мысль нашла для себя новыя обители, новыя сказки; она охвачена упоительнымъ творчествомъ, она собираетъ матеріалъ, который щедро разбросанъ по всюду, и по-своему, гордо и самовольно плететъ изъ него манящія были и легенды.

Piazza S. Lorenzo походитъ на маленький базаръ. На ящикахъ и легко склоненныхъ прилавкахъ разложены и развѣшаны товары,—кружева, платки, угрюмые четки, веселыя бусы, туфли; дальше открытки, гравюры, старые запыленные книги. Я подошелъ и раз сматривалъ ихъ,—всѣ стары, нѣкоторыя въ такихъ изящныхъ зеленоватыхъ гепреплетахъ съ золотой каймой по краю „Petrarca e Laura“. Firenze 1821 г.

Я просматривалъ эту книгу, маленькую, какъ молитвеннікъ, и вдругъ меня сзади окликнули.

— Крановскій! Боже мой! воскликнулъ я въ свою очередь.—Я тѣя все времѧ искалъ въ Римѣ.

Мы обнялись и поцѣловались. Крановскій—врачъ, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищѣй, эмигрантъ; съ 1906 года онъ жилъ въ Италии, и въ письмахъ, которыхъ я получилъ отъ него, была одна мечта—о родинѣ, о томъ времени, когда ему можно будетъ вернуться.

Онъ сильно измѣнился. Похудѣлъ, казался еще выше; сильно загорѣлое лицо, грустные глаза и небольшая каштановая борода, полукругомъ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ, повторялъ онъ, широко улыбаясь и пытливо разматривая меня. Давно изъ Россіи? Послѣднее времѧ ты живъ въ Москвѣ? Какъ Москва? Боже мой, сколько лѣтъ! Какъ практика? Женился? Нѣтъ? Не хочешь? Когда уѣзжаешь? Понравилось? Гдѣ сстановился? Римъ, братъ, я покинулъ уже годъ. Здѣсь лучше.

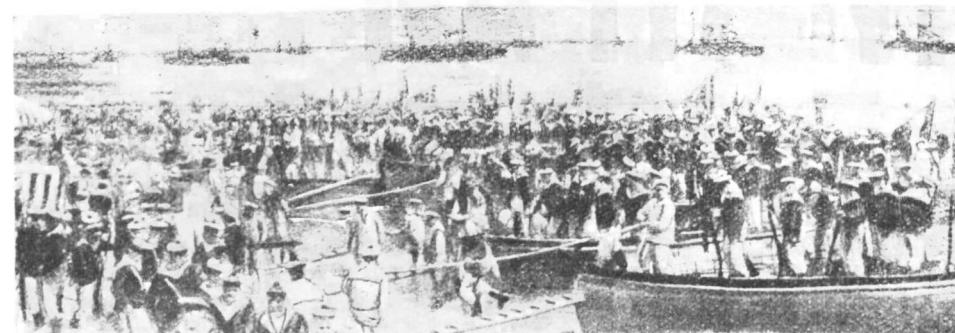
Онъ засыпалъ меня вопросами, на которые я едва успѣвалъ отвѣтить. Я видѣлъ, что онъ оставался такимъ же нервнымъ и порывистымъ, какимъ я зналъ его въ университѣтѣ и позже.

— А какъ ты, Сергѣй, живешь? Отчего такъ давно не писалъ? спросилъ я, удовлетворивъ его вопросы.

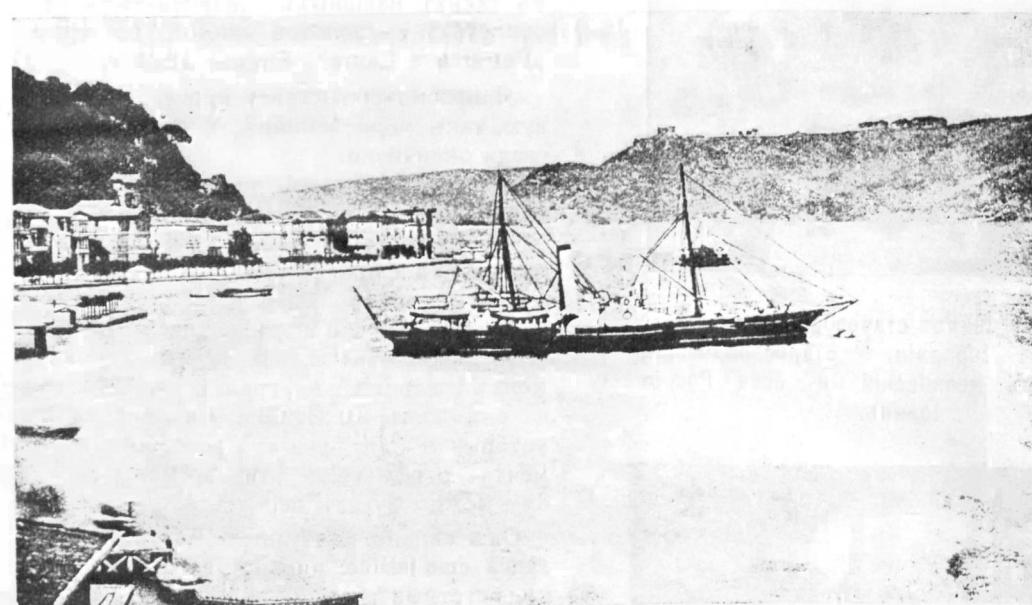
— Ничего, сносно. На via Nazionale,—это недалеко отсюда,—тамътише,—у меня маленькая квартирка. Есть небольшая практика,—итальянскимъ я уже давно владѣю въ совершенствѣ; здѣсь держалъ экзамены. Много получаю отъ брата. У насъ, вѣдь, цѣлосомѣстье въ Саратовской губерніи; солидный доходъ. Ну, вотъ. Словомъ, въ глазахъ итальянцевъ я важный и богатый синьоръ, и мои знакомые удивляются, почему я практикую. Отъ скучи, конечно, отъ скучи.

Онъ покачалъ головой и посмотрѣлъ на меня своими грустными глазами.

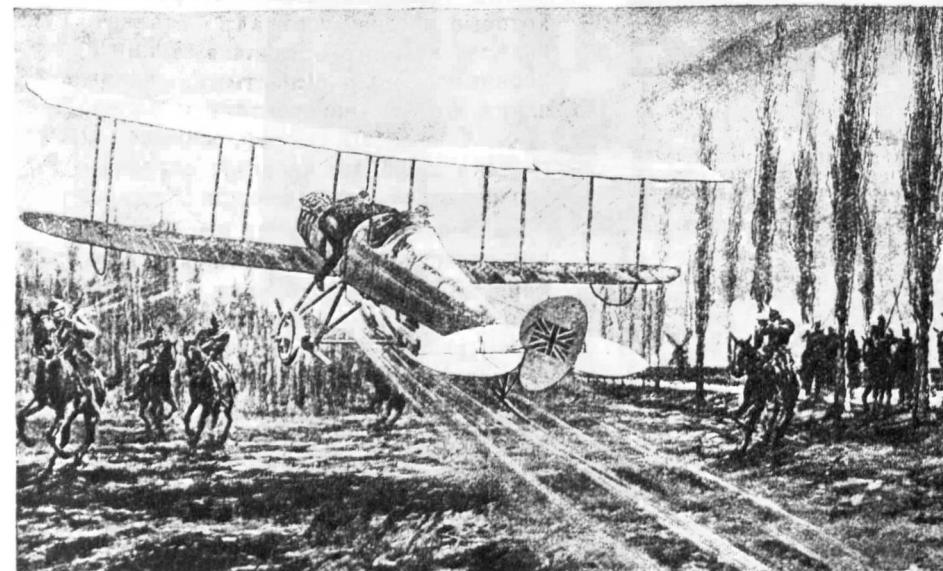
Признаюсь, эти глаза меня удивили,—столько боли. Молодъ, богатъ, красивъ, живетъ въ очаровательномъ городѣ... Я недоумѣвалъ.

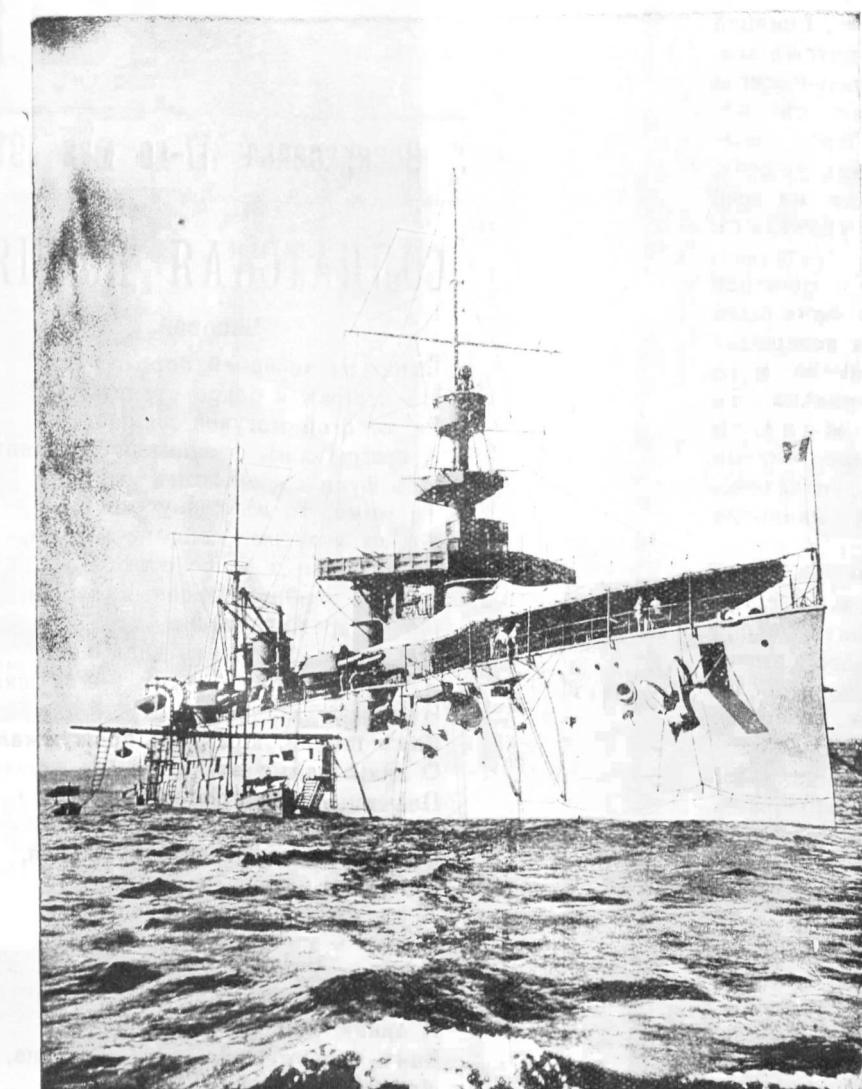
Высадка французских войскъ въ Дарданеллахъ.—Спустившись съ военныхъ кораблей, матросы въ шлюпкахъ причаливаютъ къ берегу.

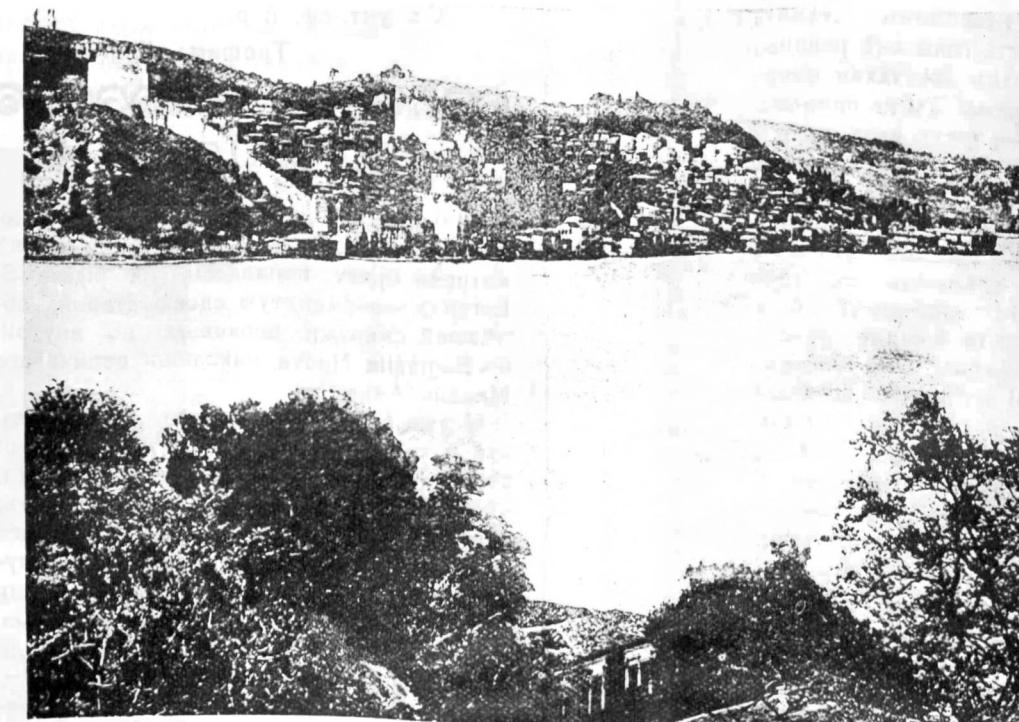
Бомбардировка Босфора.—Буюкъ-Дере, дачный поселокъ на Босфорѣ подъ самыемъ Константинопольемъ. До Буюкъ-Дере долетаютъ снаряды нашихъ броненосцевъ.

Подъемъ англійского аэроплана надъ немецкимъ патрулемъ.

Французский крейсеръ «Леонъ Гамбетта», взорванный въ Адриатическомъ морѣ.

Бомбардировка Босфора.—Кавакъ на Босфорѣ, близъ котораго находится одноименный турецкій фортъ.

Блестящий подвигъ англійскаго крейсера «Аметистъ». Рѣчь идетъ о томъ, что 1-го марта крейсеру «Аметистъ» было отданъ приказъ прорваться въ Дарданеллы. Потъмъ адмиральский перегрѣтый кабель, соединяющій европейскій и азіатскій берега, прогорѣлъ, и крейсеръ, потерявъ искривленіе, попалъ въ засаду береговыхъ батарей, потерявъ искривленіе, и получивъ пятью огнемъ поврежденія, крейсеръ удачно выплынулъ изъ своего трущобъ. На рисунѣкѣ, сдѣланномъ по разсказамъ, горючъ участниковъ, худ. Денисъ живописецъ, изображены моменты, когда британскій крейсеръ, обстрѣленный артиллерией сопомъ, проходитъ сквозь перекрестному огнѣ, вынужденныхъ со всѣхъ сторонъ спиродокъ.

Жизнь на руинахъ.—Разоренные крестьяне съверной Франціи воздѣливаютъ огороды у своихъ разгромленныхъ жилищъ.

Отъ нашего корреспондента.

Въ Карпатахъ.—Генералъ Добротинъ, герой Луккова, взявши хребетъ Бескиды, и штабъ его корпуса. Снимокъ слѣдіалъ у Луккова.

Поручикъ 10-го Игерманландскаго гусарскаго полка
М. И. Тихонравовъ,
награжденный за боевые
 отличия орденомъ св.
 Георгія 4-й ст.

Мы шли уже по via Calzaia II, как вдруг Крановский остановил извозчика.

— Зачемъ онъ тебѣ понадобился? спросилъ я,— зайдемъ въ кафе поболтаемъ.

— Глупости! Гдѣ тыстановился? А, да. Пойдемъ къ тебѣ, возьмемъ вещи— и ко мнѣ. Ты проживешь это время у меня. Я такъ радъ!

Я пытался возвращать, но онъ уже толкалъ меня въ экипажъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, твердилъ Сергѣй, позволъ ужъ мнѣ позаботиться о тебѣ.

Когда послѣ моей гостиницы мы подѣзжали къ его квартирѣ, онъ сказаѣ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Я забылъ тебѣ сказать... У меня есть экономка, Александрина. Чудесная женщина. Внимательна, заботлива. Понимаешь, одному скучно. Наконецъ, у меня все таки хозяйство.

Намъ открыла дверь стройная, очень молодая женщина, одѣтая изящно, почти богато. Бѣлое платье съ кружевомъ, открытая шея, на которой вились роскошные блѣдн-розовые кораллы. Сомнѣй она поздоровалась дѣвольно сухо и тотчасъ исчезла въ то время, какъ Крановскій самъ таскалъ мои чемоданы, а погомъ устраивалъ комнату.

Она немного нездорова пояснилъ онъ какъ то виноват.— Лѣтомъ ей нужна деревня.

За обѣдомъ,— мы обѣдали втроемъ,— Александрина продолжала вести себя такъ же сухо и сдержанно. Она ъла съ такимъ видомъ, точно доставляла этимъ кому-то удовольствіе. Съ Крановскимъ она перебрасывалась короткими фразами, больше молчала. Иногда хмурила брови, капризно складывала губы, или дѣлала жестъ рукой; очевидно, все это имѣло свое значеніе, потому что послѣ такой мимики, Сергѣй начинай говорить, или наливалъ въ ея стаканъ вина, подвигалъ хлѣбъ и т. д.

— Однако, подумалъ я,— она обращается съ нимъ какъ съ лакеемъ. И съ невольнымъ любопытствомъ я началъ разматривать ее.

Очень красивъ, но лицо съверянки, вѣроятно, изъ Ломбардіи. Странно, но немного она походила на русскихъ женщинъ.

Появилась снова горничная, съ которой Александрина говорила грубо, рѣзко, не стѣсняясь никакъ нашимъ присутствіемъ.

Она встала и ушла къ себѣ.

Я мало бывалъ дома. Признаюсь, меня немного тяготила домашняя обстановка товарища, его полное подчиненіе и капризы красавой, но глупой и вздорной женщины.

Она была очень смѣшна, когда старалась осльпить меня своими туалетами, своими кольцами на рукахъ, которыя она держала на виду, бездѣлушки, которыя, однажды она, смилиостивившись, показала мнѣ въ своей комнатѣ. Но, очевидно, Сергѣй не замѣчалъ этого смѣшного поведенія, говорившаго о вчерашней горничной.

Главноуполномоченный Красного Креста А. И. Гучковъ объѣзжаетъ мѣста, разоренные немцами (Польша). («Солдатъ Россіи»).

1-е мая въ Парижѣ.— Посылка раненымъ солдатамъ ландышей «по телефону». Отъ нашего корреспондента.

ГЕРМАНСКІЕЩИТЫ. Чтобы меньше страдать и нести потерю отъ нашего мягкаго и глубокаго огня, немцы стали примѣнять въ послѣднее время особые бронированные щиты съ прорѣзями для ружей и для наблюдений противника. Во время послѣднихъ атакъ наши доблестныи войска, уничтоживши передъ собой проволочные загражденія, кинулись къ немецкимъ окопамъ и захватили около сотни такихъ щитовъ, которые тутъ же были обращены противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Жизнь животнаго. Вставала она поздно и часа полтора сидѣла въ ванной, потомъ ъла, уходила гулять и всегда возвращалась съ покупками. Опять ъла, опять лежала у себя, иногда пѣла на весь домъ или уѣзжала въ Се, гдѣ кататься. Но самое непрятнѣе въ ней для меня было то, что она совершенно не понимала и не цѣнила человѣка, съ которымъ жила, и второе, она сильно душилась, фантастично около нея начинала болѣть голова.

Все это я наблюдалъ урывками. Лучшіе часы были въ дома, когда Сергѣй, словно ссвободившись отъ гнета, снова становился человѣкомъ, котораго я зналь и любиль. Мое удивленіе росло и росло.

Но вотъ, передъ отѣздомъ, вечеромъ мы сидѣли въ кафе, стараясь всѣ—все сказать другъ-другу. Увидимся ли сще? Кто могъ отвѣтить на это? Сергѣй самъ заговорилъ объ Александринѣ, хотя и съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Я все понимаю, сказалъ онъ грустно. Я замѣчалъ твои взгляды, твой нѣмой вопросъ... Мнѣ не хочется, чтобы у тебя осталось неправильное мнѣніе. Да, да, она глупа, капризна, эгоистична иногда жестока. Только красива,— больше ничего. И все таки я ее не выгоню,— я не могу оставаться безъ нея. Она требуетъ много, пусть требуетъ больше, я буду исполнять все. Все, все.

— Но, вѣдь, это болѣзнь, дорогой мой. Прости меня.

— Нѣтъ, не болѣзнь. Это тоска. Ты замѣтилъ, что она немного похожа на нашихъ дѣвушекъ?

— Ея глаза, замѣтилъ? Ну вотъ. Я живу Россіей. Я мечтаю о ней, какъ о возлюбленной. Мнѣ все здѣсь противно и тягостно. Я потерянъ, я тону въ какомъ-то холодномъ враждебномъ океанѣ. Быть русскимъ и жить годы въ родинѣ,

— Боже мой,— для насть это такая мучительная, страшная драма! Ты не поймешь этого. Ты захотѣлъ— и чрезъ двое сутокъ будешь въ Россіи. А я... ну вотъ. Когда я увидѣлъ глаза Александрины, мнѣ показалось, что я снова подъ нашимъ роднымъ небомъ. Да, да, это смѣшно, странно, но что ты сдѣлаешь съ глупымъ человѣческимъ сердцемъ? Она напоминаетъ мнѣ что-то дорогое, давно утерянное, давно любимое. Она заставляетъ забывать, что я бродяга, блудный сынъ; она даетъ мнѣ чувство своего угла, своей точки, дома, уюта... Знаешь, иногда вечеромъ, я сажусь около нея, я прошу ее помолчать, я смотрю въ ея глаза, только въ глаза,— чудесные наши глаза,— и мнѣ кажется, что я снова въ Россіи, что я снова вижу наше блѣдное небо, хожу въ наши березовыя рощи...— Ахъ, Боже мой, это только иллюзія, конечно. И я самъ ее сдѣлалъ, но невсе ли равно, отъ какой иллюзіи береть человѣкъ радость и жизнь! Пойми меня, мой милый.

Я понялъ, и въ пустомъ уже совсѣмъ затихшемъ ночномъ кафе мы обняли и поцѣловались.

Ал. Станкевичъ.